
ГОРИЗОНТЫ ПСИХОЛОГИИ

В.Д. Альперович

«СВОИ» И «ЧУЖИЕ» В БИОГРАФИЧЕСКИХ НАРРАТИВАХ СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ

Аннотация. В статье рассмотрено конструирование личностью феномена «свой-чужой» в биографическом нарративе. В зарубежной и отечественной психологии проанализировано самоопределение героя в нарративах сквозь призму его взаимодействия с иными персонажами; раскрыты особенности представлений о Другом человеке как Враге и Друге, «своём-чужом», в связи с образом «Я». Проблемой исследования стало конструирование личностью феномена «свой-чужой», в зависимости от жанра свободного повествования. Тем не менее, в российской психологии недостаточно изучено конструирование личностью феномена «свой-чужой» в свободном повествовании. Цель данного исследования заключалась в выявлении содержательного наполнения категории «свой-чужой» в биографических нарративах различных жанров. Предмет исследования составили сюжетно-персонажные особенности биографических нарративов студентов-психологов. Применены качественные методы (интерпретация, нарративный анализ — выявление структурных компонентов текста, по У. Лавову, пространственно-временных отношений; определение жанра повествования). Впервые показано, что в биографиях-хрониках в бинарной оппозиции «свои-чужие» акцентирован полюс «свои»; в сказочных, любовных, бытовых новеллах и эссе акцентирован полюс «чужие». Впервые предложено эмпирическое обоснование гипотезы о том, что содержательное наполнение категории «свой-чужой» в биографическом нарративе может быть взаимосвязано с его сюжетно-персонажными особенностями. Результаты исследования, обуславливающие его новизну, могут быть использованы при анализе поколенческой ментальности, в психотерапевтической практике.

Ключевые слова: нарратив, «свой»-«чужой», нарративный подход, наррадика, наррадикальный подход, биография-хроника, сказочная новелла, эссе, любовная новелла, бытовая новелла.

- ...Я — это психическая личность.
Совокупность привычек, опыта...
— Чьи же это привычки, Петька? — ...спросил Чапаев.
— Мои, — пожал я плечами.
— Так ты ж только что сказал, Петька, что ты и есть совокупность привычек.
Раз эти привычки твои, то, выходит, что это привычки совокупности привычек?
— Звучит забавно, — сказал я. — Но, в сущности, так и есть.
— ...Мы ведь начали с того, кто я по своей природе.
Если угодно, я полагаю себя... Ну, скажем, монадой. В терминах Лейбница.
— А кто тогда тот, кто полагает себя этой мандой?
— Монада и полагает, — ответил я...

(Пелевин В. Чапаев и Пустота).

Введение

Актуальность исследования определяется возросшим в условиях макросоциальных трансформаций интересом психологов к конструированию взаимосвязанных образов «Я» и Других людей.

«Кто я?» — не только название известного психологам теста М. Куна и Т. Макпартленда, но и

«вечный» философский вопрос, который, наверное, посещает, начиная с подросткового возраста, многих homo sapiens, хоть и не получивших специального философского образования, но научившихся саморефлексии в различных ситуациях. Впрочем, даже на уровне обыденного сознания понятно, что привычных формулировок, с точки зрения социальной принадлежности («я гражданин»,

«я мать», «я сотрудник организации NN»), да и упоминания о пресловутой «совокупности привычек», в ответ недостаточно. В современном информационном обществе «протеевское» «Я» субъекта (Р.Дж. Лифтон), гибко варьирующего приоритетные идентичности в зависимости от сложившейся в данный момент социальной ситуации, относительно свободно меняющего сферу деятельности, внешний облик, место работы и проживания, социальное окружение, не «привязывая» себя к ним, презентующего себя в виртуальном Интернет-пространстве, оказывается то раздробленным, то неуловимым, текучим.

Нарративный подход к «Я» человека является одним из ответов психологов на сей «вечный» вопрос: «Что такое «Я»?». С конца XIX столетия до начала столетия нынешнего, XXI, психологи всего мира пытались дать собственные ответы на него, рассуждая о мотивации, ролях, поведенческих стратегиях, образах и представлениях личности. Термин «нарративная психология» был введен в 1986 г. Т. Сарбином¹, постулировавшим конструктивную природу человеческого опыта, не существующего «объективно», а поддерживаемого, организуемого посредством нарративов (историй) в социальном взаимодействии их рассказчиков и слушателей.

Тем не менее, развитие нарративной психологии, по сути, началось ранее, по крайней мере, в 1950-е гг., если не учитывать историю предшествующих философских учений о «Я» человека. Междисциплинарный нарративный подход, лежащий на «стыке» лингвистики и психологии, восходит корнями к трактовкам нарратива как механизма коммуникации, состоящего из истории, рассказа о ней и наррации (акта рассказывания), разработанным в 1950-е гг. в трудах русских формалистов (В.Я. Проппа, В.Б. Шкловского, Б.М. Эйхенбаума) и французских структуралистов (Р. Барта, А.-Ж. Грей-маса, Ж. Женетта), показавших в нарративе влияние используемых в тексте повествовательных структур на его осмысление, понимание. В этом контексте, У. Лабов предложил социолингвистический анализ устного персонального нарратива, выделив основные структурные компоненты его текста: экспозиция, развитие действия, кульминация, развязка, кода, резюме. В качестве теоретико-методологических оснований нарративного подхода упоминается постмодернистская философия

(Л. Витгенштейн, М. Фуко), социология (П. Бергер, Т. Лукман), культурная антропология (Г. Бэйтсон), драматургический подход в социологии (И. Гоффман), культурно-историческая психология (Л.С. Выготский), принцип диалогизма (М.М. Бахтин).

В рамках нарративной психологии существует два направления. Представители «социально-конструктивистского» подхода (Дж. Брунер, К. Джерджен, Дж. Шоттер, Р. Харре) утверждают, что сознание, субъективность есть нестабильные конструкты, функционирующие лишь в языковых практиках, целостные и связные в силу работы социальных «текстов», в т.ч. прототипических нарративов, — дискурсивных продуктов интерперсонального взаимодействия. Нарратив становится методом познания индивидуальных и социальных практик, способом изменения традиционной «эссенциалистской» психологии, показывающим, что научное знание имеет повествовательную природу. Так, Дж. Брунер² трактует нарративные конструкции как составляющие основу «Я», полагая, что они строятся по языковым шаблонам структурирования жизненного опыта, обусловлены культурными сюжетами, включающими прототипы происходящих событий. К. Джерджен полагал, что т.н. психологические типы людей, якобы выделенные психологами, как, впрочем, и само социально-психологическое знание, являются «на самом деле» повествовательными, нарративными конструкциями, зависящими от языковых и социальных практик, реализуемых в данный исторический период в этой макрогруппе.

Й. Брокмейер, Р. Харре³ понимают нарратив (миф, народную и волшебную сказку, правдивую и вымышленную историю) как набор инструкций, норм, интегрирующих индивидуальный случай в некий обобщенный и культурно установленный канон. Авторы акцентируют внимание на том, что нарратив — структурированный рассказ, включающий последовательный ход событий, ориентированный на действие — позволяет осмыслить сложные контексты опыта личности, является способом, посредством которого «мы организуем нашу память, намерения, жизненные истории, идеи нашей «самости» или «персональной иден-

¹ Сарбин Т.Р. Нарратив как базовая метафора для психологии // Постнеклассическая психология. 2004. № 1. С. 6–28.

² Брунер Дж. Жизнь как нарратив // Постнеклассическая психология. 2005. № 1 (2). С. 9–29.

³ Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. 2000. № 3. С. 29–42.

тичности», отражает и обуславливает социальный и моральный порядок, выступает моделью мира и самих себя. Жизненный опыт, по мнению З. Баумана⁴, артикулируется в нарративе, который привносит в него логику, цель и смысл. Жизнь прожитая становится неотделимой от жизни рассказанной.

Обобщая первые итоги нарративного движения, Й. Брокмейер и Р. Харре рассматривают феномен т.н. «нарративного поворота», начавшегося в психологии и иных гуманитарных науках в 80-х гг. XX в., основоположниками которого стали Дж. Брунер и Т. Сарбин, как стремление к созданию «новой парадигмы» гуманитарного знания, предназначенной для интерпретации динамических образцов человеческого поведения, коль скоро сциентистская парадигма, основанная на позитивистской философии, не смогла ни достичь открытия его «общих законов», ни создать адекватный теоретический фундамент и методический инструментарий. Благодаря нарративному движению, в зарубежной психологии произошел поворот от «жесткой», сциентистской парадигмы к «мягкой», гуманитарной, но, однако, не были вытеснены системно-когнитивные метафоры человеческого ума, в чем видели назначение этого движения его основатели. В российской психологии нарратив стал, по большей части, лишь очередным объектом психологического знания, и сциентистская парадигма существенно поколеблена не была.

Представители второго направления, когнитивистского, отождествляют самопонимание и самоидентификацию⁵, вопреки первоначальным идеям основателей социального конструкционизма, рассматривают нарратив как объект психологического знания. Нарративный анализ становится дополнительным качественным методом психологического исследования, нарративная психология — одним из направлений в современной психологической теории и практике. К психологам когнитивистской ориентации близок С. Московичи, основоположник теории социальных представлений.

Оба направления отстаивают идею о конструировании реальности посредством языка в его социальном употреблении, т.е. в дискурсе.

⁴ Бауман З. Рассказанные жизни и прожитые истории // Социологические исследования. 2004. № 1. С. 5–14.

⁵ Троцук И.В. Нарратив как междисциплинарный методологический конструкт в современных социальных науках // Вестник РУДН. Сер. Социология. 2004. № 1 (6). С. 41–53.

В последние двадцать лет российские психологи также интересуются нарративной психологией, придерживаясь ее когнитивистского «полюса», однако в его интерпретациях отчасти опираясь на отечественную психологию субъекта. В их фокусе внимания находятся автобиографические нарративы. Так, Ф.И. Барский⁶ утверждает, что в нарративном подходе акцентируется роль человека как сознательного субъекта, со-конструирующего свою жизненную историю в соответствии, в диалоге с ценностями, стереотипами и нормами культур и сообществ, к которым он принадлежит. Е.Е. Сапогова⁷ анализирует процесс создания автобиографического нарратива как когнитивное наложение культурных прототипов и нарративных форм на цепочку индивидуальных жизненных случаев. Данный нарратив рассмотрен в качестве субъективно упорядоченного живого опыта жизненного пути, содержащего более или менее константную «ядерную» часть и постоянно обновляющуюся «периферию».

В русле нарративной психологии на эмпирическом уровне, вслед за У. Лабовым, зарубежные и отечественные психологи описывают структуру нарративов, в т.ч. автобиографических, выявляют пространственно-временные отношения в тексте. Вслед за Ж. Женеттом, анализируется взаимодействие автора, персонажа и читателя (повествовательные коммуникации). Изучаются нарративные инстанции повествования, формы, существующие в данной культуре, определяемые ценностями и социальными нормами, условностями и социальными практиками (синтаксические, семантические, лексические особенности повествования: сюжеты, персонажи, темы, композиция, нарративные фигуры).

Так, Е.Е. Сапогова выделяет следующие способы организации повествования о своей жизни: констатирующий; эмоционально-метафорический; наставительный; аналитико-телеологический; символический.

По мнению В.Н. Дружинина⁸, существуют независимые от индивида, изобретенные челове-

⁶ Барский Ф.И. Личность как черты и как нарратив: возможности уровней моделей индивидуальности // Методология и история психологии. 2008. Т. 3. Вып. 3. С. 93–105.

⁷ Сапогова Е.Е. Автобиографический нарратив в контексте культурно-исторической психологии // Культурно-историческая психология. 2005. № 2. С. 63–74.

⁸ Дружинин В.Н. Варианты жизни // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. Т. 2. № 3. С. 108–124.

ством и воспроизводящиеся во времени «варианты жизни» как наиболее обобщенные нарративные прототипы, формирующие и типизирующие личность: жизнь начинается завтра; жизнь как творчество; жизнь как достижение; жизнь есть сон; жизнь по правилам; жизнь как трата времени; жизнь против жизни; жизнь как предмет творчества.

В российской психотерапии обращаются к нарративам как средствам организации уникального жизненного опыта, отражающим свойства, состояния рассказчика, с целью управления ими и гармонизации отношений личности (Н.Ф. Калина, Е.С. Калмыкова, Э. Мергенталер).

Несмотря на теоретико-методологическую разработку и детализацию нарративного подхода к «Я», жизненному пути человека, в течение десятилетий, широкий диапазон его практического применения, говорят о недостаточной отрефлексированности эпистемологических оснований психологической нарратологии.

Так, по мнению В.А. Шкуратова, нарративные психологи ставят «между нарративно-повествовательными образованиями и «Я» знак равенства»⁹, придерживаясь тезиса об изначальной социальной сконструированности «Я» посредством лингвистических структур и шаблонов. Нарративная модель человеческого «Я» как динамического образования, порожденного социумом и поддерживаемого лишь в социальном взаимодействии, с точки зрения ученого, устраняет смысловые разрывы, составляющие самость, индивидуальность, «Я» в полном смысле этого слова. Методические приемы, отмеченные нами выше и другие, предлагаемые зарубежными и отечественными исследователями для эмпирического изучения нарративов как рассказов людей о самих себе, Других и окружающем мире, раскладывают живое «Я» на отдельные фрагменты, утверждая его априорную социальную обусловленность.

Наррадикальный подход В.А. Шкуратова есть часть его исторической психологии, альтернатива парадигмальной истории науки и постпозитивизму Т. Куна. Наррадикальный подход обращен к теоретико-эмпирическому «высвобождению» из нарратива живого «Я» и открывает перспективу реконструкции истории развития «науки о душе»

как «истинно гуманитарного» знания о человеке.

В.А. Шкуратов предлагает понятие наррадикамы в противовес понятию «парадигма» Т. Куна и в дополнение к нему. По мнению ученого, если парадигма сопоставима со специализированной основой когнитивной картины мира, то наррадикама инструментализирует ценностную сторону культуры и личности.

Понятие «наррадикама», впервые появившееся в 1994 г., используется с целью характеристики цикла развития гуманитарных наук, в т.ч. психологии. С точки зрения В.А. Шкуратова, указанные циклы построены относительно человека и его мира по-разному: наррадикама есть превращение потенций творческой индивидуальности в набор культурных образцов текстуально-повествовательного плана, а парадигма, наоборот, есть вытеснение «субъективности» из объективной картины реальности с помощью приборов и строгих научно-исследовательских процедур. Наррадикама понимается как сюжетный первообразец для повествовательных жанров, сопоставимый с логико-эмпирическим образцом естественнонаучных исследований¹⁰.

Модель наррадикамы изначально была предложена для определения фаз в движении текстуальной массы, демонстрирующем динамику письменной ментальности. Эта модель, структурированная «по горизонтали», показывает развитие словесности «от простых сообщений» до рефлексии, критики, самоизучения; ядром ее является литература. Фазы этого движения В.А. Шкуратов располагает следующим образом: апокрифическая, каноническая, гуманистическая, гуманитарная, человековедческая. Наррадикама в апокрифической фазе объединяет черновики и произведения спорной принадлежности, биографические легенды и т.п. В канонической фазе вырабатывается и закрепляется корпус классических (образцовых) текстов, круг авторитетов. Наррадикама в гуманистической фазе — это диалог с Богом, авторитетом, партнером по общению посредством текста, выражающего личный опыт, представленного, например, в письмах. Наррадикама в гуманитарной фазе — развитие более «объективного» (т.е. «отстраненно-го») отношения, по аналогии с естественными на-

⁹ Шкуратов В.А. Рассказывать и нормировать (горизонты свободы в нарративе) // Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия. 2002. № 1. С. 24–48.

¹⁰ Шкуратов В.А., Бермант О.В. Советская массовая культура как случай письменной цивилизации // От массовой культуры к культуре индивидуальных миров: новая парадигма цивилизации: сб. ст. М.: Изд-во Государственного института искусствознания, 1998. С. 356–382.

уками, к предмету повествования, которое начинает структурироваться по определенным правилам, но, однако, не избавлено от прежних нарративных приемов рассуждения. В наррадигмальной фазе человекознания человек предстает не персонажем и собеседником, а объектом исследования, описываемым не словами естественного языка, а научными терминами.

Наррадигма также трактуется как культурная технология воздействия на человека, неразрывно взаимосвязанная с конкретными судьбами и жизнями, основанная на них. Наррадигма рассматривается в качестве ценностной системы, объединяющей «повествования о судьбе больших исторических общностей, повествовательные *fiction*s художественных произведений и творческую биографию автора»¹¹. В этом аспекте, теоретическая модель наррадигмы на эмпирическом уровне применима к анализу литературного творчества некоторого писателя. В.А. Шкуратов видит назначение наррадигмы в переводе нарративного творчества личности в общепотребительную нарративную аксиологию для общества: движение именной наррадигмы состоит в социальном использовании материала человеческой жизни и творчества; последовательность этого использования запрограммирована самим порядком усвоения и распространения продуктов творчества обществом.

В.А. Шкуратов описывает «вертикальную» структуру наррадигмы, состоящую из трех страт: эпистраты больших нарративов, мезостраты повествовательных вымыслов и базисной страты биографических и прототипических нарративов.

В русле наррадигмального подхода В.А. Шкуратов рассматривает нарратив как способ поддержания системы идентичностей личности с помощью рассказов в индивидуальной жизни, истории и эволюции, имеющих сюжетную связность, содержащих оформление и направленных на выражение индивидуальной неповторимости отдельной жизни, которая и есть для человека самость. Нарратив понимается в качестве социокультурной плоскости наибольшего сближения, но не слияния, темпорального Я и порядков рассказывания событий во времени.

Вслед за Й. Брокмейером, Р. Харре и российскими психологами, мы также понимаем нар-

ратив как структурированный рассказ, включающий последовательный ход событий. В повествовании герой взаимодействует с остальными персонажами, разной степени близости к нему, Другими, наделяемыми статусами «друзей» и «врагов», «своих» и «чужих» и т.п.

Друг, «свой», как субъект межличностных отношений (И.С. Кон, В.Н. Мясищев) и представлений (В.А. Лабунская¹², Е.Е. Мохова¹³, Д.Н. Тулинова¹⁴, Е.В. Юркова¹⁵) выступает субъектом совместной деятельности, помощи, доверия, духовной близости, эмоциональной поддержки, а Враг, «чужой» — агрессивным, завистливым субъектом, манипулятором, обманщиком, «предателем», лицом с чуждыми идеалами, целями и ценностями (Л. Гудков, Е.П. Ильин, В.А. Лабунская, Д.Н. Тулинова).

В зарубежной и отечественной психологии проанализировано самоопределение героя в нарративах сквозь призму его взаимодействия с иными персонажами; раскрыты особенности представлений о Другом человеке как Враге и Друге, в т.ч. посредством анализа рассказов респондентов, «своем-чужом» (Ю.Э. Ширков), в связи с образом «Я» (Н.В. Чудова). Тем не менее, конструирование личностью феномена «свой-чужой» в свободном повествовании в российской психологии является недостаточно изученным.

Материалы и методы исследования

В этой связи, проблемой нашего исследования стало конструирование личностью феномена «свой-чужой», в зависимости от жанра свободного повествования. Цель исследования заключалась в выявлении содержательного наполнения категории «свой-чужой» в биографических нарративах различных жанров. Предмет исследования составили сюжетно-персонажные особенности биографических нарративов студентов-психологов.

¹² Лабунская В.А. Образ врага в межличностном общении // Социальная психология и общество. 2013. № 3. С. 52–65.

¹³ Мохова Е.Е. Возрастная динамика представлений о друге и дружбе в младшем возрасте: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2004. 25 с.

¹⁴ Тулинова Д.Н. Представления о Враге и Друге в связи с отношением к жизни на различных этапах: Дис. ...канд. психол. наук. Ростов-на-Дону, 2005. 288 с.

¹⁵ Юркова Е.В. Проявление социальных представлений о дружбе в межличностных отношениях: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2004. 21 с.

¹¹ Шкуратов В.А. Чехов на распутье, или Классик без канонов // Новое и старое в облике классика: психологическая загадка личности А.П. Чехова. М.: Кредо, 2010. С. 73–87.

Сформулированы следующие гипотезы исследования:

1. Содержательное наполнение категории «свой-чужой» в биографическом нарративе может быть взаимосвязано с его сюжетно-персонажными особенностями.
2. Сюжетно-персонажные (жанровые) особенности биографических нарративов студентов-психологов могут различаться.

Мы применили качественный метод исследования: нарративный анализ (выделение структурных элементов текста, в соответствии со схемой У. Лабова: экспозиции, развития действия, кульминации, развязки действия, коды, резюме, — пространственно-временных отношений, семантических и поэтических категорий текста: жанра, сюжета, главных и второстепенных персонажей).

Эмпирическим объектом исследования выступили 114 литературных сочинений студентов-психологов (в возрасте 19-21 года) 2005-2011 гг.

Выбор эмпирического объекта обусловлен целью и предметом исследования, а также данными о специфических особенностях этого возрастного этапа, на котором происходит развитие рефлексии, формулирование жизненной стратегии, построение системы ценностей, наиболее обобщенных, потенциально реализуемых жизненных планов.

Результаты исследования

Нами выделены следующие сюжетно-персонажные (жанровые) особенности биографий-хроник, сказочных, любовных, бытовых новелл и эссе студентов-психологов.

Обнаружено, что в биографиях-хрониках (3% выборки) внимание авторов привлечено к персонажам-людям (прадедушкам и (пра)бабушкам рассказчиков). В этих литературных сочинениях о предках, семье отражены социальные представления об историческом прошлом СССР, Великой Отечественной войне. Показаны герои, интегрированные в социальное окружение «своих», не протестующие против жизненных трудностей. Акцентированы образы «своих»: это ближайшие родственники (мать, отец, муж, жена, дети, внуки), упомянуты и соседи-односельчане. Образ «Чужого» — это образ некоторого социального зла (войны, бед и лишений, с ней связанных), разделяемого с другими людьми, и несчастных случаев, происходящих в жизни отдельного субъекта. Судьбы героев не отделены от данной эпохи: события

«большой истории», главным образом, Первая Мировая война, Великая Отечественная война, коллективизация, становятся событиями индивидуального жизненного пути персонажей. Повествование относительно монотонно, очерчена событийная канва, но не кульминационные моменты. Конкретизирован пространственно-временной контекст повествования, развертывающегося не фрагментарно, а от рождения до смерти главного героя. Описаны события-факты индивидуального жизненного пути и «большой истории», радостные и трагические: рождение детей, брак, война, смерть, — которые происходят в данные конкретные годы XX-XXI вв., могут быть подтверждены документально. Персонажи воспринимают трагические события и жизненные обстоятельства как должное, счастливые события — в качестве награды. Их путь предстает для автора и читателей примером «трудной», но «правильной» жизни, стойкости, мужества, жизнелюбия: акцентировано желание рассказчика «быть похожим на них». Данные выводы проиллюстрированы в Приложении 1 примером (фрагментом) биографии-хроники.

В сказках и аллегориях (59% выборки), любовных историях (17% выборки), биографиях животных (9% выборки), бытовых новеллах (8% выборки), эссе (4% выборки) внимание авторов привлечено как к персонажам-людям (39,4% этой группы нарративов), так и к персонажам-животным и растениям (56,1% этой группы нарративов). В качестве персонажей также выступают антропоморфные артефакты (книга, ручка, фонарь, плакат, музыкальные инструменты, изобретение) (4,5% этой группы нарративов). Подчеркивается отличие персонажа-человека / зверя / артефакта от других людей / животных / предметов, «чужих» для него. «Своими» для героя выступают его собственная уникальность, развитые способности и редко встречающиеся в его окружении персонажи, также ими обладающие. Акцентирован протест героя против исходных жизненных обстоятельств, характерологически и ценностно «чуждого» ему окружения, желание самореализоваться в соответствии с собственными ценностями и потребностями. Повествование в 94% этих литературных сочинений (за исключением некоторых рассказов о жизни растений: листьев, колосьев, деревьев, — и птиц) фрагментарно, т.е. представлены отдельные фрагменты истории жизни героев. В повествовании в данных произведениях можно выделить завязку, развитие, кульминацию и развязку действия. В сказках, алле-

горях, биографиях животных, приключенческих новеллах описаны ритмы природного существования персонажа (животного, растения), в любовных, бытовых новеллах и эссе — события в межличностных отношениях, эмоции и чувства, желания и потребности героев и рассказчика. Пространственно-временной контекст повествования условен (вымышленный мир, сказочный лес, море, деревня, город N). Процессы адаптации в современном герою обществе: поиск друзей в городе, куда персонажи переезжают; поступление в высшее учебное заведение; поиск работы в эмиграции; планирование карьеры в профессиональном сообществе, — затронуты только в 4,5% произведений в этой группе нарративов (любовные и бытовые новеллы). Пример (фрагмент) сказки см. в Приложении 2; пример (фрагмент) эссе — в Приложении 3.

Обсуждение результатов исследования

С нашей точки зрения, в отмеченных сюжетно-персонажных особенностях биографий-хроник выражен интерес авторов к процессам социальной адаптации, планированию будущего, в т.ч. карьерных перспектив. Обращение к персонажам их семейного прошлого, конструирование их положительных образов мы интерпретируем как поиск авторами стабильности в окружающем мире, «правильного» жизненного пути.

Мы полагаем, что сюжетно-персонажные особенности сказочных, аллегорических, любовных и бытовых новелл, эссе свидетельствуют о переживании героем одиночества. В данных литературных сочинениях, в отличие от биографий-хроник, фактически не разработаны мотивы «встраивания» в социальные системы. Актуализацию архетипических сюжетов, обращение к сказкам и аллегориям мы интерпретируем как эскапизм, «текучесть» идентичности молодого человека в условиях социальной нестабильности, индивидуалистическом постиндустриальном обществе, затруднения в формировании представлений о

стратегиях профессиональной самореализации в данном социальном окружении.

Выводы

Полученные данные позволяют сделать следующие выводы.

1. Среди литературных сочинений — биографических нарративов — студентов-психологов выделены биографии, биографии-хроники, сказочные, любовные, бытовые новеллы и эссе.
2. В биографиях-хрониках в бинарной оппозиции «свой-чужие» акцентирован полюс «свой». В сказочных, любовных, бытовых новеллах и эссе в бинарной оппозиции «свой-чужие» акцентирован полюс «чужие».
3. Конструкты «Я-«свой» раскрываются в описаниях процессов адаптации персонажа в окружающих его социальных системах, в т.ч. планирования карьеры в профессиональном сообществе, поиска «правильного» жизненного пути в связи с идеализированными образами семейного прошлого.
4. Конструкты «Я-«чужие» раскрываются посредством акцентирования переживания одиночества героем, наделенным уникальностью, выдающимися способностями, его размышлений, эмоций и чувств, желаний и потребностей. Обращение к сказочным, аллегорическим, «архетипическим» сюжетам трактуется как выражение эскапизма, «текучести» идентичности авторов нарративов.
5. Содержательное наполнение категории «свой-чужой» в биографическом нарративе взаимосвязано с его сюжетно-персонажными особенностями.
6. Результаты исследования открывают перспективы дальнейшего анализа поколенческой ментальности в данный исторический период, с увеличением выборки участников исследования.

Нарратив – биография-хроника

«Второе дыхание»

(Фрагмент)

(Рассказ девушки 20 лет; стилистика и орфография авторские)

«Прабабушка – это слово одновременно ласковое, теплое, родное и в то же время великое и глобальное.

В моем рассказе я хочу передать вам интереснейшую историю, но в то же время и очень трагичную, о жизни моей прабабушки, а также рассказать, какой она была.

Я помню свою прабабушку в смутных отдаленных воспоминаниях детства. Но я никогда не забуду ту теплоту и позитивную энергию, которую излучала пожилая женщина, испытавшая за свою жизнь много горя, но в то же время осталась светлым, человеколюбивым, жизнерадостным человеком. Все испытания, посланные ей свыше, она вынесла с достоинством и становилась сильнее с каждым шагом, через несчастья навстречу счастливой жизни. Она мечтала, она хотела и получила дом, большую семью, много внуков и правнуков, которые любили и ценили её.

В далекие от нас времена в небольшом селе N, области NN, родилась девочка. Это был 1914 год, Первая Мировая война. Отца девочки забрали на войну, когда ей было 40 дней. В итоге маленькая девочка за всю свою жизнь так и не увидела и не поговорила со своим отцом. Назвали девочку прекрасным армянским именем Гаянэ. ...Это были тяжелые времена. Мама маленькой девочки Гаянэ заболела страшной болезнью, называемой тиф, и вскоре скончалась. В четыре года Гаянэ осталась сиротой. Вскоре девочку принял и воспитал ее родной дядя. Гаянэ росла красивой, милой, трудолюбивой. ...Когда ей исполнилось восемнадцать лет, ее выдали замуж за необыкновенного парня Армена... Красивый высокий парень и симпатичная златоволосая девочка образовали семью. Счастливые молодожены жили, любили друг друга. Работали в колхозе. Армен работал трактористом, а Гаянэ – огородной рабочей. Все вокруг не могли нарадоваться на эту замечательную пару. В селе их все любили и уважали. ...Так и жили они в мире и согласии, работали, отдыхали, веселились, растили детей.

Но недолго длилась беззаботная жизнь молодой, всеми любимой, семьи. Началась Великая Отечественная война. Армена не сразу забрали на фронт. У него была травма ноги, и он сильно хромал. Но пронизанный патриотизмом молодой человек ушел служить и воевать в стройбатальон: «строить дороги на пути к Победе». Прабабушка осталась одна с двумя детьми. ...Некоторое время Гаянэ работала санитаркой, помогала врачам, ухаживала за больными и ждала любимого мужа с войны. Так и длились долгие военные годы, пока горе не пришло в ее семью. ...Маленькие детки, игравшие в оврагах, нашли снаряд. ...И вот они зажгли этот снаряд. ...Когда огонь дошел до конца, снаряд взорвался... В этот самый момент Гаянэ не могла понять, что обоих ее сыновей нет. Но моя храбрая прабабушка выдержала этот удар. Она похоронила своих сыновей. Спустя некоторое время жизнь в селе нормализовалась. Люди потихоньку забывали страшную трагедию. И сама Гаянэ вместе с мужем, который приезжал домой, когда его отпускали, пережили эту трагедию. Продолжив свою жизнь, пока шла война, Гаянэ родила ему еще двух сыновей, но по злой воле судьбы, которая, как говорили многие знакомые Гаянэ, невзлюбила ее, маленькие мальчики скончались от неизлечимой болезни. Все село горевало вместе с этой бедной, несчастной семьей.

Но вот и пришла долгожданная Победа! Все печали, невзгоды, горести ушли на второй план. ...Гаянэ с Арменом остались вдвоем без детей. Что делать? «Надо жить дальше», – говорила себе моя прабабушка. И вскоре в 1946 году в семье Гаянэ и Армена появилась маленькая девочка. Моя бабушка стала лучиком света, надеждой возвращения в счастливую жизнь. ...Прошло девять счастливых лет, и у Гаянэ родилась еще одна девочка... Они были безумно счастливой семьей. Все жители села радовались их счастью. Каждый сельчанин знал, что эта семья заслужила счастье великими муками. ...И жили они долго и весело. Пришло время выдавать девочек замуж. Выдали. Вскоре появились внуки. Счастливая бабушка Гаянэ вся светилась и радовалась жизни. После смерти ее мужа девочки забрали её к себе.

Но все-таки все горести, которые перенесла моя прабабушка, ослабили ее здоровье, но не дух. ...Вот такую жизнь можно прожить, несмотря на жизненные трудности, горе, которое причинила война... Ведь недаром говорят, когда очень трудно, открывается «второе дыхание» у человека, а у моей прабабушки всегда было это «второе дыхание»!»

Нарратив — сказка

«Ушки»

(Фрагмент)

(Сочинение девушки 20 лет; стилистика и орфография авторские)

«Эта история взяла свое начало в Волшебном лесу. ...Испокон веков в этом лесу звери и растения умели разговаривать между собой и понимать человеческую речь.

В самом центре Волшебного леса, в чаще, рос большой старый-престарый дуб. Высоко-высоко, в дупле этого самого дуба, жила совиная семья. Жила как положено — дружно, в любви и согласии. Папа Сова летал на охоту за мышами, а мама Сова ждала птенцов, которые должны были появиться со дня на день. ...И вот долгожданный день настал: на свет из первых двух яиц вылупились маленькие милые птенчики, похожие на комочки пуха. ...Но, долго ли, коротко ли, пришла очередь и для последнего яйца. И из-под скорлупы показалась мокрая лохматенькая головка. «А что же этот такой ушастый?!» — удивилась мама Сова. «Значит, мы назовем тебя... Ушки!». ...За добрый нрав, веселый характер и любознательность вес лес очень полюбил маленькую Ушки.

Так как в лес все-таки периодически забредали люди грибочков собирать или поискать лечебные травы, то вполне естественно, что маленькая Ушки заинтересовалась, а что это за существа такие?

— Люди, доченька, — отвечала мама Сова. — От них лучше держаться подальше.

Вот так бы и шло все себе своим чередом, но случилась в Волшебном лесу беда. Однажды вечером ...в дупле стало светло, как днем. За светом пролезла Большая рука... Ушки и остальных совят грубо схватили и извлекли из дупла.

— Так, — важно сказал кто-то откуда-то сверху. — Два совенка очень даже ничего, немало будут стоять, а вот этот ушастик... Но не пропадать же добру?

И совят поместили в коробку... ...Однажды, в один из довольно холодных осенних деньков, и на Ушки нашелся покупатель — маленькая девочка. ...Так Ушки оказалась у девочки. В первые дни были и новая просторная клетка, и толстые мышки, и чистая подстилка... Ушки постепенно привыкала.

— Может быть, Девочка станет мне другом, о котором рассказывала мама? — думала Ушки. Но прошло несколько недель, мышек перестали приносить, а вместо них почему-то давали кошачий корм. Ушки мучалась от жажды после корма... Перышки ее утрачивали блеск и стали понемногу осыпаться.

— ...Какая противная эта сова! — капризничала девочка. — Лучше купите мне кролика!

...Так Ушки возвратилась к Большой руке. Но ненадолго. Однажды в гости к Большой руке зашел друг... Так Ушки оказалась в доме Любителя музыки. ...Она могла летать по всей комнате, рвать газеты и журналы, садиться на любые понравившиеся места.

— Может, он станет моим другом? — размышляла Ушки. Любитель музыки особо не озадачивался тем беспорядком, что творился в доме... Зато Ушки реагировала. И на громкую музыку, орущую по ночам, и на почему-то вдруг закончившихся мышей и тараканов. Теперь ее «Угу» звучало все тише... а перышки опять стали выпадать. «Нет, наверное, и этот хозяин не считает меня другом...». Но Любитель музыки имел еще остатки совести... Желаящих освободить от совы Любителя музыки как-то не находилось. ...Больно уж облезлой и страшенькой она казалась. Но вот однажды у Ушки все-таки появился новый Хозяин. Он был тоже чем-то похож на Ушки, такой же нескладный...

— Вот это я попала... Ну, из этого явно друга не получится...

Но в тот же день домик появился и был поставлен на самом почетном месте в комнате.

— Совушка, какая же ты смешная и ушастенькая, — улыбался Василий. — Будешь ты у меня Ушки.

...Так состоялось первое знакомство Василия и нашей совки. Со временем Ушки все больше и больше привязывалась к новому хозяину. Возможно, совсем немаловажную роль в этом сыграли мышки, которые всегда были у Ушки, а также чистая подстилка, и купание, и газеты, которые так интересно рвать на маленькие части. А еще общение. Василий разговаривал с Ушки! Он просто рассказывал ей обо всем, что происходит в его жизни, делился планами, читал свои мудреные научные работы, совсем не зная, что Ушки понимает каждое его слово, ведь она же из Волшебного леса, где понимают слова людей.

Так у Ушки появился Настоящий друг, а квартира Василия наполнилась волшебством».

Нарратив — эссе

(Фрагмент)

(Сочинение девушки 20 лет; стилистика и орфография авторские)

«Все мы любим говорить про себя, что «мы не такие, как все». Так и я считаю себя уникальной. И напишу именно о себе, а вернее, о том, что я не люблю и о том, что же я все-таки люблю. И, может быть, есть кто-то, кто, как и я, не любит шаги за спиной, особенно когда идешь поздно вечером по аллее... И еще я не люблю чужое дыхание в спину. Прошлому поколению, выросшему в очередях, не понять этого. ...Вспоминать что-то с кем-то... сама люблю! ...Под звуки медленной музыки, запивая свои воспоминания чаем. ...Воспоминания из раннего детства, самого светлого момента нашей жизни. Дружба, клятвы, различные детские ритуалы. Я не могу за раз вспомнить больше двух эпизодов... Это как рентген сделать. Можно и нужно. Но редко».

Список литературы:

1. Барский Ф.И. Личность как черты и как нарратив: возможности уровневых моделей индивидуальности // Методология и история психологии. 2008. Т. 3. Вып. 3. С. 93–105.
2. Бауман З. Рассказанные жизни и прожитые истории // Социологические исследования. 2004. № 1. С. 5–14.
3. Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. 2000. № 3. С. 29–42.
4. Брунер Дж. Жизнь как нарратив // Постнеклассическая психология. 2005. № 1 (2). С. 9–29.
5. Дружинин В.Н. Варианты жизни // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. Т. 2. № 3. С. 108–124.
6. Лабунская В.А. Образ врага в межличностном общении // Социальная психология и общество. 2013. № 3. С. 52–65.
7. Мохова Е.Е. Возрастная динамика представлений о друге и дружбе в младшем возрасте: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2004. 25 с.
8. Сапогова Е.Е. Автобиографический нарратив в контексте культурно-исторической психологии // Культурно-историческая психология. 2005. № 2. С. 63–74.
9. Сарбин Т.Р. Нарратив как базовая метафора для психологии // Постнеклассическая психология. 2004. № 1. С. 6–28.
10. Троцук И.В. Нарратив как междисциплинарный методологический конструкт в современных социальных науках // Вестник РУДН. Сер. Социология. 2004. № 1 (6). С. 41–53.
11. Тулинова Д.Н. Представления о Враге и Друге в связи с отношением к жизни на различных этапах: Дис. ...канд. психол. наук. Ростов-на-Дону, 2005. 288 с.
12. Шкуратов В.А. Рассказывать и нормировать (горизонты свободы в нарративе) // Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия. 2002. № 1. С. 24–48.
13. Шкуратов В.А. Чехов на распутье, или Классик без канона // Новое и старое в облике классика: психологическая загадка личности А.П. Чехова. М.: Кредо, 2010. С. 73–87.
14. Шкуратов В.А., Бермант О.В. Советская массовая культура как случай письменной цивилизации // От массовой культуры к культуре индивидуальных миров: новая парадигма цивилизации: сб. ст. М.: Изд-во Государственного института искусствознания, 1998. С. 356–382.
15. Юркова Е.В. Проявление социальных представлений о дружбе в межличностных отношениях: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2004. 21 с.

References (transliteration):

1. Barskii F.I. Lichnost' kak cherty i kak narrativ: vozmozhnosti urovnevykh modelei individual'nosti // Metodologiya i istoriya psikhologii. 2008. T. 3. Vyp. 3. S. 93–105.
2. Bauman Z. Rasskazannye zhizni i prozhitye istorii // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2004. № 1. S. 5–14.

3. Brokmeier I., Kharre R. Narrativ: problemy i obeshchaniya odnoi al'ternativnoi paradigmy // Voprosy filosofii. 2000. № 3. S. 29–42.
4. Bruner Dzh. Zhizn' kak narrativ // Postneklassicheskaya psikhologiya. 2005. № 1 (2). S. 9–29.
5. Druzhinin V.N. Varianty zhizni // Psikhologiya. Zhurnal Vyssei shkoly ekonomiki. 2005. T. 2. № 3. S. 108–124.
6. Labunskaya V.A. Obraz vruga v mezhlichnostnom obshchenii // Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo. 2013. № 3. S. 52–65.
7. Mokhova E.E. Vozrastnaya dinamika predstavlenii o druge i družbe v mladshem vozraste: Avtoref. dis. ... kand. psikh. nauk. M., 2004. 25 s.
8. Sapogova E.E. Avtobiograficheskii narrativ v kontekste kul'turno-istoricheskoi psikhologii // Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya. 2005. № 2. S. 63–74.
9. Sarbin T.R. Narrativ kak bazovaya metafora dlya psikhologii // Postneklassicheskaya psikhologiya. 2004. № 1. S. 6–28.
10. Trotsuk I.V. Narrativ kak mezhdistsiplinarnyi metodologicheskii konstrukt v sovremennykh sotsial'nykh naukakh // Vestnik RUDN. Ser. Sotsiologiya. 2004. № 1 (6). S. 41–53.
11. Tulinova D.N. Predstavleniya o Vrage i Druge v svyazi s otnosheniem k zhizni na razlichnykh etapakh: Dis. ... kand. psikh. nauk. Rostov-na-Donu, 2005. 288 s.
12. Shkuratov V.A. Rasskazyvat' i normirovat' (gorizonty svobody v narrative) // Ekzistentsial'naya traditsiya: filosofiya, psikhologiya, psikhoterapiya. 2002. № 1. S. 24–48.
13. Shkuratov V.A. Chekhov na rasput'e, ili Klassik bez kanona // Novoe i staroe v oblike klassika: psikhologicheskaya zagadka lichnosti A.P. Chekhova. M.: Kredo, 2010. S. 73–87.
14. Shkuratov V.A., Bermant O.V. Sovetskaya massovaya kul'tura kak sluchai pis'mennoi tsivilizatsii // Ot massovoi kul'tury k kul'ture individual'nykh mirov: novaya paradigma tsivilizatsii: sb. st. M.: Izd-vo Gosudarstvennogo instituta iskusstvoznaniya, 1998. S. 356–382.
15. Yurkova E.V. Proyavlenie sotsial'nykh predstavlenii o družbe v mezhlichnostnykh otnosheniyakh: Avtoref. dis. ... kand. psikh. nauk. SPb., 2004. 21 s.